

ARCANA·IMPERII·ALIAS. CASVS·LITHVANIÆ

Алексей·Дзермант

Алексей Дзермант — философ, этнокультуролог.
Сфера научных интересов — традиционная этническая культура,
индоевропеистика, балто-славянская мифология, политическая
и этническая история региона Балтийского моря, геополитика,
философия традиционализма, история идей.

Великий князь литовский и король польский Александр Ягеллон на сейме в окружении гербов подчинённых земель. Гравюра Ёхана Халлера (Johann Haller) из «Статута» Яна Ласского. Краков, 1506 г.

Ничто так не соответствует праву и естественному порядку, как imperium, без которого не могут держаться ни дом, ни гражданская община, ни народ, ни человечество в целом, ни вся природа, ни сама вселенная. Ибо и вселенная повинуется божеству, и ему покорны и моря, и суши, и жизнь людей подчиняется велениям высшего закона.

Цицерон

Обычно Беларусь описывают как жертву империй. Наиболее этому поспособствовали отрицательные коннотации опыта нахождения в Российской империи и СССР. Не затрагивая тут вопроса про достаточно заметную и активную роль выходцев из белорусских земель в этих государственных образованиях, между прочим следует упомянуть, что «национализированные» белорусами государства — Полоцкое княжество и Великое Княжество Литовское также можно рассматривать через имперскую призму¹. Но прежде всего это требует иного взгляда на сущность империи, если угодно, проникновения в её тайну (*arcana imperii*), которая до сих пор не даёт покоя многим исследователям, приверженцам и противникам «имперскости», а также того, какое отношение она имеет к нашему великому государству прошлого (*casus Lithuaniae*) и, наконец, к перспективам будущего.

SVMMA IMPERII

Латинское понятие *imperium* ‘империй, власть, властное полномочие’, происходящее от глагола *imperare* ‘приказывать’ первоначально обозначало в Древнем Риме полноту исполнительной власти — управление армией и гражданской администрацией. Посредством выборов империем наделялись магистраты — те, кто занимал высшие государственные должности: сначала цари, затем консулы, преторы, диктаторы и проч.;

¹ Сравн. заданный в контексте территориального расширения Полоцкого княжества в Прибалтике и экспансионистской политики ВКЛ при Витовте вопрос: «можно ли назвать Полоцкое княжество и ВКЛ империями (или государствами с имперской властью)?» // Ляховіч Л. Гісторыя і міфы, і не толькі // Спадчына. 2002. № 5—6. С. 131.

Древнеримский алтарь, посвящённый Непобедимому Солнцу (*Sol Invictus*) с имперским орлом. Рим, Капитолийский музей, 1-я половина I в.

но при этом права и полномочия носителя империя отличались в зависимости от места занимаемой должности в государственной иерархии. Наивысшей степенью империя (*summum imperium*) с исчезновением республиканской модели управления наделялся диктатор, позже принцепс-император, который вместе со вступлением на престол, пожизненно получал верховные руководящие и военные полномочия на всю территорию Римского государства, в результате чего империй и стал её синонимом — *Imperium Romanum*². Империй имел сакральное измерение и был связан с обрядом ауспий, проводимым для одобрения Юпитером его носителя³. Начиная с Августа, император как *Pontifex Maximus* являлся главой римской государственной религии⁴. Сакрализация фигуры императора в Риме нашла продолжение в христианском мире, где он рассматривался как единый земной наместник Бога, король королей и отец всех подданных, ответственный за поддержание порядка в обществе⁵.

² Дементьева В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия «*imperium*» // Вестник древней истории. 2005 № 4. С. 46–75.

³ Richardson J. S. *Imperium Romanum: Empire and the Language of Power* // *The Journal of Roman Studies*. 1991. Vol. 81. P. 2.

В глазах римлян их империя была универсальной основой единой высшей цивилизации, так как господствовала над всей землёй или, по крайней мере, над теми её частями, которые были этого достойны⁶. От Римской империи берёт начало представление о ней не столько как о государстве, сколько как о всём цивилизованном и политически организованном человечестве, упорядоченном Космосе: «*Империя как способ упорядоченного, ненасильственного существования с её тягой к универсализму и тотальности [...] в идеале — своего рода перфектная реальность*», которая «*репродуцирует с наибольшей полнотой мифологическую парадигму взаимодействия человека и мира*»⁷. Мистическая миссия Рима виделась в безукоризненном властвовании над миром: «*Твой же, римлянин, долг — полновластно народами править! / Вот искусства твои: предписывать миру законы, / Ниспровержённых щадить и ниспровергать непокорных*» (Энеида, VI. 847–853). Захват Римом пространства базировался не только на завоеваниях, но и на сакральном праве провиденциального Города, который создавал иерархии подчинённых земель, органично включая их в свою систему государства, права и религии. Согласно Юлиусу Эволе, *Imperium Romanum* был органичным сочетанием сакрального и политического: «*Рим был одновременно материальным и духовным могуществом, [...] и вместе с этим являлся чем-то сакральным, потому что не было ни одного проявления жизни, общественной или частной, как на войне, так и в мире, которому не сопутствовал бы ритуал или символ, — Рим был культурной формой таинственного происхождения, у которой были свои полубоги и божественные цари, [...] и эта форма была кульминацией рах augusta et profunda* (лат. 'мир августейший и глубокий'), где даже материально реализовалась универсальное отображение вечности (*aeternitas*), что почиталась в самой имперской функции»⁸. С Римом связана традиция придания государству некоего абсолютного, мирового смысла, эманации которого распространяются на весь обозримый круг земель⁹.

В средневековой Европе римская идея империи получила продолжение в лице всеобъемлющего христианского универсума¹⁰. Понятая через новую религиозную призму, она стала восприниматься как историческая сила, способная задержать появление антихриста и конец нынешнего зона¹¹; этот *Sacrum Imperium* — органично структурированное общество, охватывающее всю землю, но образующееся не из отдельных индивидов как граждан мира, а из ряда союзов и сообществ и только посредством этого ряда ведущее к отдельному человеку¹². Это означало, что вместо индивидуалистической модели в империи естественно продолжали существовать многочисленные промежуточные формы социализации, которые наиболее полно соответствовали политической, этнической, конфессиональной, профессиональной идентичности: семейные кланы, деревенские общины, братства, ремесленнические союзы, свободные города, княжества и т. д. Как замечает Ален де Бенуа: «*Принцип империи стремится согласовать единичное и множественное, частное и универсальное, её основным законом есть автономия и уважение разнообразия. Империя стремится к унификации на высшем уровне, без разрушения разнообразия культур, народов и этнической особенности. Она — целое, чьи автономные части соизмеримы прочности того, что их объединяет. Эти части дифференцированы и органичны*»¹³. Средневековая европейская империя представляла собой идеализированный трансцендентный порядок, осуществляемый как единство в многообразии¹⁴.

Анализируя историю европейских и не только европейских империй, можно выделить их типичные черты, характеристики, элементы, из которых обычно складывается имперская система. Обратимся к наиболее авторитетным авторам, чьи дефиниции империи нашли научное признание и которыми активно пользуются при изучении конкретных имперских формаций. Джейн Бурбанк и Фредерик Купер предлагают понимать под империями «*большие политические структуры, экспансионистские либо те, что помнят о власти, которая распространялась на большие пространства; политики, создававшие разграничения и иерархии по мере того, как они включали в себя новых подданных. [...] Имперское государство склонно подчёркивать различия и неравенство своего многообразного населения*», оно «*обращено наружу, оно захватывает и вбирает*

⁴ Шукуров Р. Конфессия, этничность и византийская идентичность // <http://www.centre-fr.net/spip.php?article169&artpage=7-10&lang=ru>

⁵ Коптев А. *Principes et Dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеримской эпохи* // Древнее право. 1996. № 1. С. 182–190.

⁶ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. Москва, 2007. С. 48–49; Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектории империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. Москва, 2010. С. 339.

⁷ Цуркан А. Имперское сознание римлян как мифологический феномен (К вопросу о специфике «римского мифа») // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 191.

⁸ Evola J. *Heidnischer Imperialismus*. Leipzig, 1933. S. 43.

⁹ Каспэ С. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. Москва, 2001. С. 33–34.

¹⁰ Hüglin T. *The Idea of Empire: Conditions for Integration and Disintegration in Europe* // *Publius*. Vol. 12. № 3. Summer 1982. P. 14–24.

¹¹ Шмит К. *Номос Земли в праве народов jus publicum euroraeum*. Санкт-Петербург, 2008. С. 33–35.

¹² Филиппов А. Социология и Космос. Суверенитет государства и суверенность социального // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. Москва, 1991. С. 10.

¹³ Дэ Бенуа А. *Идея Империи // Druvis. Almanach Centru etnakasmalogiji «Kryūja»*. 2008. № 2. С. 212–213.

¹⁴ Уколова В. Империя как «смысл» исторического пространства: попытка политологического анализа, обращенная в прошлое // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Отв. ред. Н. А. Хачатурян. Москва, 2008. С. 24.

в свою политическую структуру — часто через принуждение — новые народы, при этом открыто признавая их различия. Сама концепция империи подразумевает, что народы, её населяющие, управляются по-разному»¹⁵.

Кроме территориальной протяжённости, экспансионизма, открытости и иерархической организации наиболее существенным является характер внутренних отношений в имперской структуре. Чарльз Тилли пишет: «Империя — это большая, сложная политическая общность, связанная с центральной властью через косвенное управление. Центральная власть осуществляет определённый военный и фискальный контроль в каждом сегменте своего имперского господства, но позволяет два основных элемента косвенного управления: 1) сохранение или создание отличающихся соглашений для управления каждым сегментом; 2) осуществление власти через посредников, пользующихся значительной автономией в рамках своих областей, в обмен на лояльность, дань и военное сотрудничество с центром»¹⁶. Центр империи, как правило, идентифицируется с определённой этнической или общественной группой, территориальным объединением, господствующими над другими этническими, территориальными или социальными группами¹⁷.

Центром империи является метрополия, контролирующая подчинённую периферию, в связи с чем Майкл Дойл определяет империю как систему «взаимодействия между двумя политическими единицами, одна из которых — доминирующая метрополия, осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой, т. е. действующим суверенитетом другой единицы — подчинённой периферии»¹⁸. Александр Мотыль полагает, что империя как «иерархично организованная политическая система со ступицеподобной структурой — колесо без оправы — в котором элитное ядро и государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая посредниками в важнейших взаимодействиях и направляя ресурсы из периферии в центр и обратно на периферию»¹⁹. Ричард Суни так подытоживает суть империи: «Это сложносочинённое государство, в котором метрополия так или иначе отличается от периферии, а отношения между ними определяются метрополией и воспринимаются периферией как оправданное или неоправданное неравенство, субординация и/или эксплуатация»²⁰.

Достаточно ли только этих определений для понимания и анализа империй? Да, это определённый универсализованный набор признаков, наличие которых позволяет с научной точки зрения говорить о имперском характере того или иного государства. Но тут сразу хотелось бы предостеречь от крайностей позитивистского подхода, чтобы не применять упомянутые выше характеристики в качестве инструментария для «точно-математического» измерения. Кажется, наиболее оптимальный подход тут был предложен в рамках школы «новой имперской истории», которая подняла аналогичные вопросы относительно империи: «То ли это историческая категория, то ли аналитический концепт, то ли метафора гетерогенности, а может быть все вместе? Между тем, «империя» — это исследовательская ситуация, а не структура, проблема, а не диагноз. «Помыслить как империю» можно любое общество, точно также как в номинальной «империи» можно обнаружить черты — или целые эпохи — национального. Секрет в том, что [...] аналитический инструментарий модерности насквозь «национален» и империю нельзя описывать в рамках некоей одной модели с помощью какого-то одного метанарратива. Поэтому увидеть империю можно только осознанно и контекстуализованно совместив различные исследовательские «оптики»...»²¹.

Есть ещё один признак, который непросто методологически корректно описать, но он также очень часто является неотъемлемой частью империи. Это «имперский миф», который воплощается в форме идеологии, культурной политике, коллективной памяти и ностальгии, и живёт он дольше самих империй, каждый раз возвращая их к жизни, невзирая на возникшие границы во времени и пространстве: «Империя уникальна тем, что в ней соединены в одно конкретно-историческая (и поэтому текущая) данность и некая метафизическая тайна, геополитическая и часто безобразная действительность

¹⁵ Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектории империи. С. 331–332.

¹⁶ Tilly Ch. How Empires End // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. Ed. by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, 1997. P. 3.

¹⁷ Finer S. E. The History of Government from the Earliest Times. Vol. 1. Ancient Monarchies and Empires. Oxford, 1997. P. 8.

¹⁸ Doyle M. Empires. Ithaca, 1986. P. 14.

¹⁹ Motyl A. Imperial Ends. The Decay, Collapse, and Revival of Empires. New York, 2001. P. 4.

²⁰ Suny R. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // A State of Nations. Empire and Nation-Building in the Age of Lenin and Stalin. Ed. by R. Suny. and M. Terry Oxford, 2001. P. 23.

²¹ Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семёнов А. В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 26.

Флаг Священной Римской империи германской нации из книги «Wapen. Des Heyligen Römischen Reichs Teutscher Nation» Якоба Кёбеля (Jacob Koebel), художник Якоб Калленберг (Jacob Kallenberg). Франкфурт, 1545 г.

и мистическая по духу универалистская парадигма социально-исторического бытия, своеобразный способ взаимодействия человека и мира, что превышает в своём скрытом значении свои внешние этнокультурные периметры. В империях в одно сливаются время и вечность, и потому их мифы не умирают»²².

Вооружившись этими знаниями, мы можем смело совершить исследовательский экскурс в отечественную историю с целью поиска империи.

²² Цуркан А. Цуркан А. Имперское сознание римлян как мифологический феномен (К вопросу о специфике «римского мифа»). С. 180.

Миниатюра Радзивилловской летописи, на которой предположительно изображен князь Всеслав Брючиславич, освящающий Софийский собор в Полоцке

PRÆLVDIVM IMPERII

Как ни странно, но истоки аутентичной имперской традиции мы можем искать уже в истории одного из первых государственных образований на наших землях — Полоцкого княжества. Как заметили Генрих Лавмянский и Василий Воронин, Полоцкое государство во время своего расцвета с городами форпостами в нижнем Подвиньи и колонизационной деятельностью в балтийском направлении, память о которой доживает вплоть до XVI в. (сравн.: «Полочане имеют ту особую мысль, что Полоцкая земля имела свои границы от реки Двины, которая течет к морю, и они уверяют, что ваш город, называемый Рига, стоит на Полоцкой земле»), имеет «имперские» признаки²³.

С самого начала своей государственности Полоцк находился в эпицентре политических, экономических и культурных контактов Юго-Восточной Прибалтики, объединяя под своей властью балтов, славян, германцев, финно-угров. Фактически это был первый здешний опыт государственного управления различными землями и этносами, начало языческо-христианского (православного) культурного синтеза. Господство в Полоцке варяжско-русской династии означало включение в военно-политические процессы на всём пространстве между Балтийским и Чёрным морями.

В этом контексте можно рассматривать деятельность полоцкого князя Всеслава Брючиславича, направленную на установление гегемонии в русском мире: претензии на киевский великокняжеский престол, построение в Полоцке храма Святой Софии как символического сакрального центра для подтверждения статуса богоизбранности своей столицы и земли²⁴. Полоцкий «сепаратизм» в отношении к Киеву²⁵ возник не только из наличия своей княжеской династии, но, видимо, также из-за того, что эта династия некоторое время стремилась к установлению верховной власти в Киевской Руси²⁶. Эта борьба завершилась безуспешно, и до начала XIII в. Полоцкая земля прекратила своё участие в междоусобных конфликтах на Руси²⁷. С середины XIII в. она попадает в сферу влияния литовских князей и становится позже частью Великого Княжества Литовского со значительной степенью автономии.

Полоцкая государственная традиция и версия истории практически не была представлена в историографии ВКЛ XV—XVI вв.²⁸, но до нас дошло очень интересное этногенетическое предание из северной Беларуси, в котором в качестве мифического предка беларусов выступает князь Бай. Примечательно, что у Бая (Боя) было семь жён: Ольга, дочь княжеского дружинника; Рогнеда из Полоцка; Красуля из Смоленска; Ода из Киева; Доня, служанка Красули; Альда из Литвы; Лиля, сестра Альды. По мнению Сергея Санько, описанные брачные отношения отражают претензии суверена на другие

²³ Варонін В. Палачане: забытая памяць пра мора // Arche. 2009. С. 63, 69. Там же цитата письма к магистру Инфлянтского ордена от короля польского и великого князя литовского Жигимонта I Старого и панов-рады ВКЛ от 1513 г. с территориальными претензиями полочан на Ригу.

²⁴ Марзальюк І. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X—XVII стст.). Магілёў, 2002. С. 155–156.

²⁵ Семянчук Г. Усяслаў Брачыславіч, князь полацкі (штрыхі да гістарычнага партрэта) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2002. № 18. С. 13.

²⁶ Марзальюк І. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X—XVII стст.). С. 160.

²⁷ Варонін В. Полацкае княства // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. / Пад рэд. Г. П. Пашкоў і інш. Т. 2: Кадэцкі корпус — Яцкевіч. Мінск, 2005. С. 448.

²⁸ Łatuszonek O. Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV—XVI w. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2005. № 25. S. 5–44.

земли, в составе которых называются Полоцк, Смоленск, Киев и Литва; а само это представление, схожее по форме с аналогичными генеалогиями, известными на территории ВКЛ в XV—XVI вв., могло быть создано в Полоцке в Позднем Средневековье или в эпоху Ренессанса по образцу более архаичных устных генеалогий²⁹.

Конечно, упомянутых выше отдельных элементов совершенно недостаточно для того, чтобы говорить о существовании какой-то развитой имперской системы в Полоцке, поэтому они выступают скорее как предпосылки, возникшие в этом раннесредневековом государстве, которые впоследствии были унаследованы и развиты в ВКЛ.

IMPERIVM INCOGNITVM MAGNI DVCATIS LITHVANIÆ

Можем ли мы применить термин «империя» для характеристики Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского? По крайней мере, несмотря на то, что кроме Святой Империи германской нации даже средневековые Англия и Франция могут *de facto* считаться империями³⁰, мы можем попытаться обнаружить в политической системе, идеологии и культуре ВКЛ определённые имперские элементы. Тем более, что рассуждения об имперском характере этого государства не являются экзотикой и их можно встретить даже в популярной литературе, сравн.: «*Экспансионистская политика Великого Княжества, вхождение в его состав огромных просторов Восточной Европы наделяли наше государство характером империи. Особенно это касается времён Витовта, когда власть монарха была неограниченной, границы государства достигали Балтийского и Чёрного морей, а под его протекторатом находились Новгород Великий, Псков и Рязань*»³¹. Пожалуй, лучше признать, что эта тема и такой ракурс просто выпадали из поля зрения белорусских исследователей, которые чаще всего рассматривали наследие ВКЛ исключительно через призму национального нарратива, что существенно искажало саму перспективу его изучения: «*конфедеративность ВКЛ сыграла с ним дурную шутку: его история, действительно, лишена историографической цельности. Это осколки разбитого зеркала, которые страны-наследники складывают, как хотят. Но у них всё время получается не облик реального ВКЛ, а «княжество кривых зеркал», кривизна которых обусловлена дискурсами современных литовской, польской, белорусской, украинской, российской историографий. Поэтому изучение прошлого Восточной Европы вряд ли возможно в качестве национальных историй. Здесь необходим исследовательский инструментарий новой имперской истории*»³².

Недавно к ВКЛ в контексте компаративной исторической социологии империй обратил Зенонас Норкус, который в результате основательного анализа выявил следующие, с его точки зрения, признаки имперскости ВКЛ: 1) огромная территория государства — крупнейшая в Европе со времен Альгерда; 2) агрессивная, экспансионистская внешняя политика; 3) мультиэтнический характер государства, при доминировании литовской аристократии, которая и представляла метрополию; 4) наличие рядом с метрополией периферии (например, украинские земли или Жамойть), находившейся под косвенным политическим управлением; 5) существование *pax lituanica* — особого политического и экономического порядка, организованного литовскими князьями между Балтийским и Чёрным морем, северной Германией и Русью³³.

По мнению Томаса Качераускаса политико-экономическое измерение *pax lituanica* дополнялось в период становления ВКЛ существенным культурным элементом — язычеством (в широком смысле — цивилизацией, в узком — религией), которое находилось в центре политического компромисса, было особым рецептом государственной политики и обеспечивало баланс между западным (католическим) и восточным (православным) векторами³⁴. Об этом свидетельствуют достаточно показательные слова князя Гедимина: «*christianos facere Deum suum colere secundum morem suum, Ruthenos secundum ritum suum, Polonos secundum morem suum et /nos/ colimus Deum secundum ritum nostrum,*

²⁹ Санько С. «Вайна» міфа-гістарычных наратываў // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Протарэнанс і Адраджэнне. Мінск, 2010. С. 461–462.

³⁰ Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Под ред. Герасимова И., Глебова С., Каплуновского А., Могильнер М., Семёнова А. Казань, 2004. С. 73.

³¹ Саверчанка І. Што такое Вялікае Княства Літоўскае? // 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі / Уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько. Мінск, 1993 С. 26–27.

³² Филюшкин А. Вглядываюся в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого Княжества Литовского—2 // Ab Imperio. 2004. № 4 // <http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1162&page=7&idlang=2&Code=LwA614G071mYXhbIXMhMQwab4>

³³ Norkus Z. The Grand Duchy of Lithuania in the Retrospective of Comparative Historical Sociology of Empires // World Political Science Review. 2007. Vol. 3. Issue 4. P. 23–27; Norkus Z. Nepasikelbusioji imperija. Lietuvos Didžioji Kunigaikštija lyginamosios istorinės imperijų sociologijos požiūriu. Vilnius, 2009.

³⁴ Kačerauskas T. Biografija kaip civilizacijos kontrolinis principas: LDK politikos atvejai // Filosofija. Sociologija. 2008. T. 19. № 3. P. 72–82.

et omnes habemus unum Deum («христиане почитают Бога своего по-своему: русины по-своему, поляки по-своему, а мы чтим Бога по нашему обычаю, и у всех /нас/ один Бог»)³⁵. На своеобразный «бархатный» характер литовского «империализма», который происходил из его языческой сущности и комплементарного отношения с подчиненными землями, в том числе русскими, обращал также внимание Гинтарас Береснявичус³⁶. Впрочем, подобная характеристика ВКЛ не есть чем-то исключительным, вспомним хотя бы определение этого государства авторитетным исследователем Стивеном Роввеллом в качестве «Pagan Empire»³⁷.

Андрей Казакевич, анализируя «Хронику Быховца» — общегосударственный летописный свод ВКЛ, созданный в первой половине XVI в., пришел к выводу, что согласно историческому видению её автора «Литва является, безусловно, социумом языческим, но свойства и отношения к язычеству в «Хронике» при описании истории до княжения Миндовга характеризуются достаточной нейтральностью. Язычество не выступает как «тотальное зло», а имеет образ чего-то нейтрального, неагрессивного или даже натурального, без придания негативных символов³⁸. [...] «Новая» Литва — «языческая империя». «Хроника», конечно, не содержит концепта «империя» и вообще не разделяет историю Литвы на начальный и новый периоды. Но различия между Литвой в процессе римской колонизации и «постколонизованной» Литвы как субъекта внешнеполитической активности значительные и более чёткие. Суть становится совершенно другой, когда на место образа Литвы, как пустоши и свободного пространства креативности приходит Литва как субъект экспансии, политического единства и культурной особенности»³⁹. Среди основных черт этой «языческой империи», согласно «Хронике» можно выделить следующие: креативная экспансия преимущественно династического характера; экстерриториальность, когда политическая жизнь Литвы реализуется исключительно во внешних отношениях, земли, захваченные римскими колонистами, образуют определённое государственное и династическое единство, геокультурная структура Литвы требует плотного взаимодействия и компромисса с соседней Русью⁴⁰.

«Русский» вектор деятельности литовских князей — один из важнейших факторов, который обусловил сущность и специфику политической и этнокультурной ситуации в ВКЛ. Уже великий князь Альгерд формулирует императив: «*Omnis Russia ad Letvines deberet simpliciter pertinere*» («Вся Русь должна принадлежать Литве»)⁴¹, объявляя этим основы литовской «имперскости». Этой же цели служила и попытка Альгерда подчинить литовско-новогородской митрополии всё православное (русское) население бывшей Киевской Руси⁴². Обращает на себя внимание и попытка использования Альгердом в переписке с константинопольским патриархом Филофеем титула *basileus*, равнозначного с латинским *imperator*. По мнению А. Голубева, «размах его планов был большой, для их выполнения он хотел придать своей власти какой-то исключительный статус, поэтому и пошёл раньше московских великих князей путём поиска адекватной его целям политической терминологии, применяя царский титул»⁴³. В общем же, столкновение и взаимодействие литовского и русского элементов в государстве вписываются в конкретные модели имперских практик, которые стоит рассмотреть отдельно.

LITHVANIA ET RVTHENIA

Отношения Литвы и Руси в ВКЛ в XIV—XVI вв. в территориальном и этносоциальном плане, кажется, хорошо соответствуют схеме отношений между господствующей метрополией и периферией, которые находятся в состоянии политического подчинения и формального контроля. Действительно, собственно Литва (*Lithuania Propria*) включала земли верхнего и среднего Понеманья, Повиля, с которых начался процесс государственного образования, и была политическим ядром государства. Первоначально именно оттуда проходило большинство представителей политической нации ВКЛ, в которую входила литовская аристократия из окружения династии Гедиминовичей⁴⁴,

³⁵ Gedimino laiškai / Parengė S. C. Rowell. Vilnius, 2003. P. 184.

³⁶ Бераснявічус Г. Чароўнасць літоўскай імперыі // Druvis. Almanach Centru etnaskmalogijii «Kryūja». 2008. № 2. С. 217–223.

³⁷ Rowell S. C. Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994.

³⁸ Сравн. оценку языческих литовских обычаев: «А так, ачколвек поганыи были, а вжиж потом себе знаменали и в бога одного верили, иж судныйи день мел быти, и верили з мертвых востаню и одного бога, который мает судити живым и мертвым» (Летапис археалыгичнага таварыства // Хронікі і летапісы Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. Мінск, 2010. С. 267), созвучную словам Гедимины о собственных обычаях и вере в одного Бога.

³⁹ Казакевіч А. Рэканструкцыя палітычнай ідэнтычнасці ВКЛ XVI ст. (на матэрыяле «Хронікі Быхаўца») // Палітычная сфера. 2002. № 2. С. 14.

⁴⁰ Тамсама. С. 15.

⁴¹ Wartberge de H. Chronicon Livoniae, Scriptores Rerum Prussicarum. T. II. Leipzig, 1863. S. 80.

⁴² Петров А. Мечты о золотом столе. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы // Родина. 2002. № 11–12. С. 168–169; Марозава С. Наваградак — царкоўная сталіца Вялікага княства Літоўскага (XIV—XV ст.) // [http://pawet.net/library/history/bel_history/marozava/38/Наваградак_-_царкоўная_сталіца_Вялікага_княства_Літоўскага_\(XIV_-_XV_ст.\).html](http://pawet.net/library/history/bel_history/marozava/38/Наваградак_-_царкоўная_сталіца_Вялікага_княства_Літоўскага_(XIV_-_XV_ст.).html)

⁴³ Голубев О. Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 1. Минск, 2008. С. 32.

⁴⁴ Кяўпене Ю. Палітычная нацыя Вялікага Княства Літоўскага. Літоўская перспектыва // Arche. 2009. № 9. С. 79.

Карта Литвы
Герарда Меркатора, первая
половина XVI в.

Вильна — метрополия Литвы
(Vilna Lituaniae Metropolis),
 план столицы ВКЛ.
 Авторы — Георг Браун
(Georg Braun) и Франц
 Хогенберг *(Franz Hogenberg)*.
 Франкфурт, 1581 г.

там же располагалось и большинство её частных земельных владений. С другой стороны, русские Полоцкая, Витебская, Смоленская, Киевская, Чернигово-Северская земли и Волынь относились к числу т. н. земель-аннексов⁴⁵. Основанием их подчинения центру было наличие договора («ряда») и привилея (уставной грамоты) от великого князя, которые, как правило, легитимизировали политическое верховенство великого князя, санкционировали юридическую и экономическую автономию земли-аннекса и декларировали сохранение её обычного права и «старини». Кроме этих земель существовали ещё удельные княжества (Слуцкое, Клецкое, Мстиславское, Пинское, Туровское и проч.) с очень широкой автономией, управляемые князьями-вассалами или заместителями государя.

Эта политико-территориальная структура, сложенная из центральных государевых вотчин и земель приближенных к государю нобилей, удельных княжеств и земель-аннексов соответствует основным признакам средневековой империи — гетерогенному в политическом, правовом и этноконфессиональном смысле пространству, с наличием метрополии, контролирующей суверенитет периферии, иерархичностью и сложной административной системой, включающей инкорпорированные малые политические единицы. В связи с этим весьма точным можно назвать наблюдение Геннадия Сагановича, который заметил сходство Великого Княжества Литовского и Священной Римской империи германской нации, также представлявшей собой многообразный конгломерат старых и новых институтов, объединение различных по размеру и статусу территориальных образований⁴⁶.

Различия Литвы и Руси происходили из разных причин (различные этноконфессиональные доминанты, политико-правовые статусы и даже участие в общегосударственной воинской повинности)⁴⁷. Княжеская династия и аристократия литовского происхождения, безусловно, политически доминировали, а количественно превосходящая русская община имела подчинённый статус без возможности влияния на государственную политику. Неравенство двух основных этнокультурных компонентов усилилось после крещения Литвы, и в ещё большей степени — после Городельской унии 1413 г., официально закрепившей монополию литовцев-католиков на участие в общегосударственных делах⁴⁸. «Римский» этногенетический миф также подчёркивал верховенство литовского нобилитета и естественность его господства над Русью, иногда с высокомерием в отношении русчины, как у Михалона Литвина: «*Рутенский язык (idioma Ruthenuva) чужд нам, литвинам, то есть италианцам (Italianis), происшедшим от италийской крови*»⁴⁹.

Всё это дало основания некоторым белорусским исследователям говорить не просто о политической дискриминации русинов в период становления ВКЛ, которые автоматически ассоциируются со старобелорусским этносом, но об антагонизме, несовместимости литовской и белорусской идей, о существовании жёсткого непрозрачного разделения между литовской и русской (белорусской) идентичностью и т. д., которые базировались на языково-конфессиональной дихотомии: русское — православное, славянское / литовское — католическое (языческое), балтское⁵⁰. Мы уже обращали внимание на некорректность подобного подхода, который не учитывает сложную специфику трансграничной идентичности, ментально-языковой «чересполосицы», характерной для региона ВКЛ, особенно в зоне интенсивных балто-славянских контактов, когда граница между литовским и русским, балтским и славянским проходила не только в пространстве и времени, но и через один народ, одну культуру и даже одного человека, когда в разных обстоятельствах могли по-разному актуализовываться этнические, культурные, языковые особенности⁵¹.

Изучая проблему рутенизации балтов в ВКЛ к аналогичным выводам пришёл и Олег Лицкевич: «*Постоянная «диффузия», взаимопроникновение, смешение, даже мимикрия — такими видятся взаимоотношения русского и балтского (литвинского) этноконфессиональных компонентов на территории ВКЛ в рассматриваемый период. Везде, на всех уровнях общества в течение жизни двух-трёх поколений мы встречаем переходные этноконфессиональные типы, возникшие в результате взаимодействия*

⁴⁵ Юхо Я. Кароткі курс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 1992. С. 72–71.

⁴⁶ Сагановіч Г. Нарысы гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск, 2001. С. 129.

⁴⁷ Бель А. Як размежаваць Літву ад Русі? // Arche. 2007. № 10. С. 128–145.

⁴⁸ Бель А. Эвалюцыя палітычнага народу ВКЛ у Сярэднявечча і Новае час // Arche. 2008. № 7. С. 119.

⁴⁹ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В. И. Матузовой. Москва, 1994. С. 86.

⁵⁰ Латышонак А. Напачатку было слова // Латышонак А. Нацыянальнасць — Беларус. Вільня, 2009. С. 413.

⁵¹ Гл. падрабязней раздзел «Русіны versus літвіны» са спасылкамі на працы Ул. Тапарова, Г. Сагановіча і этнаграфічныя звесткі: Дзермант А. Як можна быць літвінам? // http://kryuja.org/artykuly/dziermant/dziermant_litviny.html

трёх культур: языческой балтской, *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* [...] Процесс «балтско-славянского» синтеза не ограничивался только династиями Гедиминовичей и только какими-либо регионами, с той или иной степенью интенсивности он проходил по всей территории ВКЛ, на всех социальных уровнях, чему способствовало наделение балтских нобилей землями в Западной Руси, их ротация на государственных должностях в западнорусских регионах⁵². Основы этого «синтеза» нам кажутся ещё более глубокими, тесно связанными не только с политической, но и этнокультурной историей белорусско-литовского края. Здесь нужно упомянуть генетическую близость балтийских и славянских языков, при вероятном происхождении самих славянских языков из западнбалтских диалектов; наличие балтского этнокультурного субстрата на всей территории Беларуси, что превращало её в своеобразную балто-славянскую «лабораторию», где происходили процессы взаимной ассимиляции, ментальной, этнической, лингвистической трансформации. Особого внимания и оптики требует конфессиональная проблематика с не менее сложной спецификой. Например, в XV в. в ВКЛ существовало не просто двух-, а трёхверие с полуязыческим (*semipaganus*) православием, католицизмом и живым ещё местным язычеством; позже в эту палитру добавляется и протестантский элемент⁵³. Вероятно, именно автохтонное население ВКЛ XVI—XVIII вв., которое сочетало языческие, православные и католические элементы в религиозной практике и культуре называлось в источниках «старолитвой»⁵⁴.

Достаточно нетипичной для большинства империй является языково-культурная ситуация, которая сложилась в ВКЛ, так как здесь господствующее положение балтско-литовского этнического происхождения не передаёт подвластному русскому населению свой язык, культуру и право, например как в Римской империи, а наоборот, перенимает всё это от него. В этом смысле ВКЛ похожа на империю франков. А причины этого могут объясняться тем, что местная русская культурная традиция была в своё время для литовской элиты чуть ли не единственным и наиболее удобным инструментом управления, тем более частью этой элиты она уже могла восприниматься как своя. Поэтому вывод Эдвардаса Гудавичуса о том, что «*Великое Княжество Литовское было государством языческого народа, руководимого государями-язычниками, а русско-византийская культура — всего лишь цивилизационный феномен его вассальных провинций*»⁵⁵, нужно дополнить признанием того, что этот цивилизационный феномен имел достаточно большое влияние и на правящие круги Литвы, и на балтское население простого происхождения.

Относительно языковой ситуации в ВКЛ чрезвычайно интересное мнение высказал лингвист Вячеслав Иванов: «*Литовский язык, на котором говорило население, сохранившее архаическую политеистическую религию индоевропейского происхождения, оставался бесписьменным (письменность на всём обозреваемом пространстве связана с большими религиями осевого — в смысле К. Ясперса — времени; не исключено, что с религиозными соображениями и табу было соотнесено отсутствие письменности на литовском языке, появляющейся после принятия католической веры и начала сильного польского влияния). [...] Боясь западных соседей и связанных с ними латыни, польского и немецкого языков, литовская элита и великий князь принимают простую мову в качестве основного языка деловых актов. [...] По отношению к языкам, использовавшимся в начале рассматриваемого периода в зоне сохранения архаических мифологий при бесписьменном характере основного языка населения, характерен в случае социальной необходимости в письменном языке выбор такого из уже имеющихся койнэ, которое в наименьшей степени угрожает стабильности существующей системы. Так может объясняться выбор простой мовы как канцелярского языка первыми литовскими великими князьями*»⁵⁶.

Рутенизация балтов в ВКЛ, в том числе в среде аристократии, как следует из новейших исследований⁵⁷, была намного более распространённым явлением, чем представлялось ранее как в литовской, так и в белорусской историографии. Смешанные балтско-русские браки, принятие православия, использование православных имён

⁵² Ліцкевіч А. Да пытання пра рутэнізацыю балтаў у ВКЛ у XIV — пачатку XV ст. // *Arche*. 2009. № 11–12. С. 69.

⁵³ Санько С. «Паўночны Рэнесанс»: яго спецыфіка ў рэгіёне ВКЛ // *Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі*. У 6 т. Т. 2. Пратарэнесанс і Адраджэнне. С. 322.

⁵⁴ Козловский И. Судьбы русского языка в Литве и на Жмуди // *Вестник Западной России*. 1869. Т. IV. Кн. 11. С. 50–51; Зайкоўскі Э. Сляды язычніцтва ў Ваўкавыскім краі. // *Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей*. Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі 22 снежня 1995 года. Ваўкавыск, 1997. С. 51–52.

⁵⁵ Гудавичус Э. *История Литвы с древнейших времён до 1569 года*. Москва, 2005. С. 192.

⁵⁶ Иванов Вяч. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского // <http://kogni.narod.ru/gediminas.htm>

⁵⁷ Ліцкевіч А. Да пытання пра рутэнізацыю балтаў у ВКЛ у XIV — пачатку XV ст. С. 24–80; Zinkevičius Z. *Krikščionybės ištakos Lietuvoje: Rytų krikščionybės vardyno duomenimis*. Vilnius, 2005.

Гравюра с изображением герба «Погоня», XVI–XVII вв. Коллекция гравюр Киотского университета, Япония

рядом с языческими, употребление русского языка в качестве разговорного или в делопроизводстве, приверженность к византийско-православной культуре — это основные маркеры рутенизации балтского населения⁵⁸, в результате которой складывались «промежуточная» литовско-русская идентичность и культурный симбиоз. При этом, конечно, не стоит идеализировать литовско-русские отношения, особенно когда появился ещё один конфессиональный фактор — католический. Например, в гражданской войне между сторонниками Жигимонта Кейстуовича и Свидригайло Ольгердовича в 1430-х гг. нередко видят конфликт с межконфессиональной

⁵⁸ Ліцкевіч А. Да пытання пра рутэнізацыю балтаў у ВКЛ у XIV — пачатку XV ст. С. 44.

Герб «Погоня» с титульной страницы Лаврентьевского списка первого Статута Великого Княжества Литовского, 1531 г.

⁵⁹ Бель А. Эвалюцыя палітычнага народу ВКЛ у Сярэднявечча і Новы час. С. 119.

⁶⁰ Ліцкевіч А. Да пытання пра рутэнізацыю балтаў у ВКЛ у XIV — пачатку XV ст. С. 67–68.

и межэтнической окраской, борьба между литовско-католической и русской-православной партиями⁵⁹. Однако эти события, так же как и дискриминационный Городельский привилей, следует рассматривать в более сложном контексте — борьбы между собой балтов-католиков первой волны после крещения, выходцев из мелкого и среднего боярства и православных балтов, представителей старых рутенизированных династий Гедиминовичей⁶⁰.

Разрешение внутренних конфликтов и унификация также могут быть описаны с позиций имперской методологии. В ВКЛ осуществлялась территориальная унификация посредством замены представителей династии Рюриковичей и рутенизированных Гедиминовичей в русских землях на лояльных к государю и господствующей литовско-католической партии наместников. Происходило уравнивание прав и свобод русской и литовской частей «политической нации» (привилеи 1432, 1434 и 1563 гг.), а также постепенная централизация через упразднение удельных княжеств и создание воеводств и уездов. В области идеологии был разработан интегральный «римский миф» (особенно в «Хронике Быховца», «Хронике» Матея Стрыйковского), который обосновывал превосходство литовского нобилитета и добровольное подчинение Руси. В анонимной поэме «Miłośnik Ojczyzny do Senatu y Rzeczypospolitej Litewskiej» (1597 г.) столица Литвы — Вильна уже показана как «мать городов», в частности, для русских Киевского и Витебского воеводств⁶¹. Олег Латышонок в своих работах обратил внимание на то, что вместе с появлением литовской римской легенды, которая существенно искажала представления об отношениях Литвы и Руси, с русской стороны не было практически никакой реакции в виде возражения или апелляции к прошлому Полоцкой земли. Русины, безусловно, помнили об общей киевско-русской традиции, но воспринимали ВКЛ как «своё» государство⁶². «Римский миф», видимо, хорошо отражал *status quo* в обществе, со временем он стал привлекательным и для русской элиты (об этом свидетельствуют мнимые литовские генеалогии таких известных родов русского происхождения, как Сапегы, Хадкевичи, Вишневецкие), которая вместе с литовскими стала органической частью единой «политической нации» ВКЛ⁶³.

TRANSLATIO IMPERII

В европейском средневековом мире тема передачи власти, преемственности империй (*translatio imperii*) была одной из центральных для легитимации и возвеличивания государственности. *Translatio imperii* возникала как успешная передача верховной власти монарху того региона, откуда родом авторы известной «линии преемственности» — Отто Фрэйзингенский: римляне — греки (византийцы) — франки — лангобарды — немцы (Священная Римская империя); Кретьен де Труа: Греция — Рим — Франция; Ричард Бьюри: Афины (Греция) — Рим — Париж (Франция) — Англия⁶⁴.

Собственная версия *translatio imperii*, включавшая в себя этногенетический «римский миф» или квазиисторическую теорию о итальянском происхождении литовской аристократии, существовала и в ВКЛ. Первые косвенные данные о связи прусско-литовской традиции с римской приведены в начале XIV в. тевтонским монахом Петром из Дусбурга в «Хронике земли Прусской», в которой он доказывал связь названия балтского языческого религиозного центра Ромовы с Римом⁶⁵. Затем теория об итальянском происхождении литовцев, жемайтов и ятвягов на основании сходства их языка и религиозных обычаев с древнеримскими развивается Яном Длугошем (конец XIV в.). «Классическая» версия «римского мифа» об основателе великокняжеской династии — римском нобиле Палемоне появляется в белорусско-литовских летописях второй редакции, корпус которых сложился в 30-х годах XVI в., хотя есть основания полагать, что ядро предания могло сложиться уже в конце XV в.⁶⁶

По сути, это типичная для своего времени модель *translatio imperii* (Рим — Литва), но, конечно, со своими особенностями⁶⁷. Палемон, по преданию, имел кровное родство с императором Нероном: «Княже римский именем Полемон, который же цесарю Нерону был кровный»⁶⁸, — то есть легитимное отношение к власти, передающееся ещё от цезаря Августа, «который иже не толкуй Риму, но и всему свету пановал». Но грубость Нерона способствовала тому, что римские нобили и посполитый люд были вынуждены искать справедливости и спокойствия в других землях. Одним из них был князь Палемон, который с пятьюстами шляхетскими родами попадает в устье Немана и далее заселяет Жемайтию и Литву. От сыновей Палемона происходит династия литовских князей. Несмотря на антидеспотический характер предания, его можно назвать

⁶¹ Короткий В. Термин «Речь Посполитая Литовская» в полемической литературе Великого княжества Литовского XVI—XVII веков // *Senoji Lietuvos literatūra*. 2006. Kn. 21. P. 55.

⁶² Ліцкевіч А. Легенда пра Палямона і беларусы // *Беларуская думка*. 2008. № 1. С. 95; Марзалюк І. Наша «кіеўская» й «літоўская» спадчына // *Спадчына*. 2002. № 5–6. С. 5–16.

⁶³ Trimonienė R. *Polityka jagiellońska a kształtowanie się litewskiego narodu politycznego w końcu XV — I połowie XVI wieku* // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2003. № 19. S. 219–228.

⁶⁴ Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Екатеринбург, 2005. С. 290–210.

⁶⁵ Санько С. «Вайна» міфа-гістарычных наратываў. С. 465–466.

⁶⁶ Тамсама. С. 473.

⁶⁷ Gudmantas K. *Lietuvių kilmės iš romėnų teorijos genezė ir ankstyvosios Lietuvos vardo etimologijos* // *Senoji Lietuvos literatūra*. 2004. Kn. 17. P. 245–268.

⁶⁸ Летапіс Красінскага // *Хронікі і летапісы Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час*. Мінск, 2010. С. 178.

аристократическо-республиканской версией передачи власти от имперского Рима, отражавшей идеологические установки круга господствовавших в ВКЛ аристократических родов.

Поиск реального исторического прототипа личности Палемона скорее всего будет напрасным, так как исходя из логики мифо-исторического нарратива это вторичный вопрос в сравнении с возможными народно-этимологическими связями этого персонажа. В связи с этим правомерным можно считать вопрос: почему автор легенды о Палемоне, чтобы показать римское происхождение литовской аристократии, дал римскому нобилю греческое имя?⁶⁹ Возможно, причина этого не только в том, что имя могло быть просто взято автором «римского мифа» из источников того времени по античной истории и в созвучии с греч. *πολεμος* 'война, битва', что подчёркивало воинственный характер легендарного вождя и его потомков. Очень интересно, что несмотря на вариативность формы имени, во всех случаях сохраняется консонантный костяк — *p... l-*: Палемон, Полемон, Публий Лебон и даже Аполон⁷⁰. Это, в свою очередь, отсылает нас к форманту *pol-/pel-*, широко представленному в индоевропейской антропо- и этнонимии (сравн. происхождение от родоначальника Пала скифского народа *палов*, с которым также связывается и этноним *поляне*)⁷¹. Основу *поль* содержит и имя легендарного первопредка белорусов — Белополя, сына князя Бая, согласно одной из версий нашего, упоминавшегося выше, этногенетического предания. Таким образом, имя Палемона могло быть результатом переосмысления и подвёрстывания под исторические реалии местных мифологических персонажей. Не исключено также, что определенную роль в выборе этого имени могло сыграть и созвучие с типичным литовским антропонимичным корнем — *mant*, представленным именно среди высокородных литвинов, например, Давмонт, Скимонт, Наримонт, Эйсмонт и т. д. (лит. — *mantas* при польск. — *mont/-munt* и бел. — *мон/-ман*): **Pal-&-mant (as)*> Палемон.

Существовала также и монархическо-цезаристская версия, изложенная Михалоном Литвином в трактате «О нравах татар, литвинов и московитов» (ок. 1550 г.). Согласно ему, предки литовской аристократии были верными воинами Гая Юлия Цезаря. Их корабли прибило к берегу в Жемайтии, и оттуда они стали захватывать прилегающие края, в том числе земли роксоланов-русинов, освободив их от татар и подчинив своей власти весь простор между Балтийским и Чёрным морями⁷². Примечательно и достаточно толерантное отношение Михалона к литовским языческим обычаям, напрямую связанных, по его мнению, с римскими.

В наиболее законченном виде «римский миф» предстаёт в «Хронике» (1582 г.) Матея Стрыйковского, где добавляется ещё одна версия о победе Палемона (Публия Лебона) от нашествия Атиллы и описываются этнические основания социальной дифференциации в ВКЛ: «*Z tych że też Włochów iz onych walecznych Gotów Żmudzka i Litewska slachta starodawna [...] wywód swój zda się mieć, a prości ludzi i czerń z starych Gepidów, Sudowitów i Litalanów albo Alanów mężnych*»⁷³. Через аланов М. Стрыйковский связывает генеалогию жителей Литвы с сарматскими корнями, и, соответственно, отражая новые политические реалии в объединённом польско-литовском государстве, «римский миф» должен был таким образом соединиться с сарматской теорией поляков, превратившись в государственную идеологию Речи Посполитой⁷⁴. Также М. Стрыйковский говорит о переносе «трона» из Киева в Литву, что должно было подчёркивать преемственность русской и литовской государственных традиций и служить легитимации власти Литвы над Русью⁷⁵.

Между прочим, польский «сарматский миф» с его культом шляхетских вольностей и антимонархическим пафосом фактически был противоположным литовскому «римскому», что также засвидетельствовал М. Стрыйковский в стихотворной части своей «Хроники»: «*Augustus cesarz Rzyski gdy panował, / Wszytkiemu prawie świata rozkazał, / Tylko Sarmatę, Scite wolni byli, / Ci z nim walczyli*»⁷⁶. Идеологическое противостояние «сарматской» шляхетской демократии как беспорядком и крайним индивидуализмом с апелляцией к римскому происхождению Ягеллонской монархии характерно для «Беседы Поляка с Литвином»⁷⁷. По мнению Дарюса Куолиса, в литовской литературе эпохи

⁶⁹ Латышонак А. Палямон. Код легенды // Латышонак А. Нацыянальнасць — Беларус. Вільня, 2009. С. 70.

⁷⁰ Санько С. «Вайна» міфа-гістарычных наратываў. С. 473.

⁷¹ Санько С. Белополь // Міфалогія беларусаў. Энциклапедычны слоўнік. Мінск, 2011. С. 43–44.

⁷² Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. С. 86–87.

⁷³ Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strzykowskiego. T. I. Warszawa, 1846. S. 80.

⁷⁴ Семянчук А. Роля рымскай легенды ў фармаванні дзяржаўнай ідэалогіі Вялікага Княства Літоўскага // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2002. № 18. С. 184.

⁷⁵ Глінскі Я. С. Канструяванне вобразу мінулага ў творах Мацея Стрыйкоўскага // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 2. Минск, 2009. С. 247.

⁷⁶ Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strzykowskiego. T. II. Warszawa, 1846. S. 515.

⁷⁷ Rozmowa Polaka z Litwinem (1564). Wydał dr. J. Korzeniowski. Kraków, 1890. S. 65–71.

⁷⁸ Kuolys D. Asmuo, tauta, valstybė Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorinėje literatūroje (renesansas, barokas). Vilnius, 1992. P. 212.

барокко можно заметить отчётливую полемику с идеей «Сарматской империи», которая противопоставляется идее единства балтских земель и «Литовской империи». Например, «Радзивиллиада» Яна Радвана начинается с восхваления мощи и величия литовского государства от Балтийского до Чёрного морей, при этом ВКЛ видится как край, населённый родственными (балтскими) племенами⁷⁸.

В результате обострения польско-литовских противоречий и появления в Литве «прошведской» радзивилловской партии Самуэль Довгирд в своей, вдохновлённой трудом Стрыйковского «Генеалогии или коротком описании великих князей литовских» (1626) разрабатывает альтернативную «римско-готскую» теорию, согласно которой аристократические роды Литвы — это потомки Палемона, «*Syna Rzymskiej Korony*», а простой народ происходит от славных готв⁷⁹.

Есть основания полагать, что именно под влиянием литовского «римского мифа» в первой четверти XVI в. в Московском государстве создается собственная монархическая версия *translatio imperii*, изложенная в «Сказании о великих князьях владимирских», согласно которой родоначальник династии Рюриковичей, наследовавший кровь римского императора Августа, происходит из Пруссии и оттуда он призывается на царствование в Руси. Видимо, ключевую роль в создании московской версии «римского мифа» сыграл священник и авантюрист Спиридон-Савва по прозвищу «Сатана», который был некоторое время в ВКЛ и явно хорошо ориентировался в тамошней идеологической ситуации⁸⁰. В его «Послании о Мономаховом венце» «римское предание» приобретает чётко монархический и промосковский акцент.

Одновременно с этим оно становится обоснованием имперской концепции «Москва — третий Рим» и началом длительной «войны мифо-исторических нарративов» между Московией и Литвой. В частности, там содержится рассказ о русском (полоцком или смоленском) происхождении литовских князей и их изначально «низком» социальным статусе. Эта легенда использовалась для оправдания территориальных претензий Москвы на русские земли ВКЛ и даже собственно на Литву⁸¹. Можно сказать, что идеологи Московского государства перехватили тут инициативу и последовательно развили имперский элемент «римского мифа», тогда как в ВКЛ в результате конкуренции различных его версий и влияния со стороны «сарматизма» он так и не стал идеологическим инструментом для достижения более амбициозных целей⁸².

VITOLDVS MAGNVS

Одним из важных составляющих «имперского мифа», пожалуй, любой империи является фигура государя — основателя государства или того, при ком оно достигло наивысшего могущества и процветания. Древнеримский *rex*, функции которого позже переняли принцепсы-императоры, имел прежде всего сакральные полномочия, что

Князь Палемон и его сыновья Боркус, Кунас и Спер. Гравюра из книги Александра Гваньини «Хроника европейской Сарматии». Краков, 1611 г.

⁷⁹ Daugirdas S. *Genealogija, arba Trumpas didžiūji Lietuvos kunigaikščių ir jų didžiū bei narsių žygių aprašymas*. Vilnius, 2001. P. 72–71.

⁸⁰ Мыльников А. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, противогипотезы XVI — начала XVII века. Санкт-Петербург, 1996. С. 213; Санько С. «Вайна» мифа-гістарычных нарратываў. С. 479–480.

⁸¹ Łatyszzonek O. *Od rusinów białych do białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej*. Białystok, 2006. S. 280–286.

⁸² Norkus Z. *The Grand Duchy of Lithuania in the Retrospective of Comparative Historical Sociology of Empires*. P. 8.

Памятник Витовту Великому
в г. Бирштонас, Литва.
Автор — Гедиминас Ёкубонис
(*Gediminas Jokūbonis*), 1998 г.

соответствовало индоевропейской концепции царской власти⁸³. Как представитель богов, он был ревнителем внутреннего порядка на земле, поэтому его прерогативой было право суда, наказания виновных и провозглашения законов. Он совершал жертвоприношения богам от имени всего народа и был военным вождем, которого народное собрание наделяло полномочиями *imperium* — наивысшей военной властью⁸⁴.

Как показывает материал, в белорусской народной культуре великий князь Витовт выступает типично мифологическим персонажем, сакрализованным властелином, обладающим чертами демиурга, первопредка, наделяется медиотивной функцией посредника, что символизирует переход от старого к новому (времени, пространству). Сказания о Витовте, актуализируя семы 'огромный рост', 'сила', 'строитель' соотносятся с распространённым в белорусском фольклоре мотивом о силачах-великанах, которые во время опасности выйдут из гор и будут защищать край⁸⁵. В предании о вокняжении

⁸³ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Москва, 1995. С.249–252.

⁸⁴ Коптев А. Римское право в архаическую эпоху // <http://ancientrome.ru/publik/koptev/kopt17.htm>

⁸⁵ Гурская Ю. Образ князя Витовта в народной культуре белорусов // *Tautosakos darbai*. 2005. Т. XXX. С. 170.

Витовта, записанном в Смоленской губернии, рассказывается, как после смерти короля его слуги решили выпустить на свободу королевского коня с тем, чтобы тот нашёл себе нового ездока. Конь, сколько ни ходил, нашёл старичка, который вил «обрывки за авином». Он и был удостоен королевского трона, получив имя Витовт⁸⁶. Описанный в предании ритуал восхождения на престол нового правителя полностью соответствует хорошо известному у индийских ариев ритуалу *ашвамедхи*, во время выполнения которого царь следует за выпущенным белым конем и тем самым свидетельствует о своей власти над всеми землями, куда придёт конь. После того как конь обходил всё царство, он приносился в жертву⁸⁷. Мотив предания о возвращении Витовта после смерти во время опасности для страны коррелируется с европейскими легендами о Карле Великом, который покоится со своим войском в горе Оденберг, о кайзере Фридрихе Барбароссе, спящем в недрах горы Кифгойзер и ждущем своего времени, или о короле Артуре, который спит в Авалоне и проснётся, дабы спасти Британию.

Подобное отношение к личности Витовта известно также и в книжной традиции. Прежде всего, это касается т. н. «Похвалы великому князю Витовту», созданной, как предполагается, ещё при жизни князя также на Смоленщине, которую можно назвать своеобразным литовским «имперским манифестом». Начало произведения сразу акцентирует внимание на сверхъестественных способностях князя: «*Тайну цареву таити добро есть, а дела великаго господаря паведати добро жь есть. [...] не мощно исповедати, ни писанию предати дела великаго князя. Яко же бы мощно кому испытати высота небесная и глубина морская, тоже бы исповедати мощно сила и храбрость того господаря*»⁸⁸ (сравн. аналогичные эпитеты в отношении императора Фридриха II Гогенштауфена: «*Твоя сила, о Цезарь, не имеет границ, она превышает все человеческие пределы и тождественна божественной силе*»⁸⁹). Уже обращалось внимание на то, что в отношении Витовта автор «Похвалы» использует царскую образность и титулатуру, подчёркивает покорность и зависимость от него всех остальных правителей мира⁹⁰: «*Сии князь велики Витовт, бяше же ему дръжаще Великое Княжение Литовское и Руское, инии многы земли, спроста реку вся Руская земля*»⁹¹. *Не токмо же Руская, но еще господарь Угорьской земли, зовемьи цесарь римский, у великой любви живяще с нимь. [...] Некогда суцу тому славному господарю, бывшю ему у своем граде в Луцку у Великомь и послал послы свои королю угорьскому, цесарю римскому, и повеле ему быти к собе. Он же беза всякого ослушания ускоре приехал к нему и свою каролицею, и честь велику и дары многы подаваша имь; оттоле же в нихь утвердися велико любовь. Како не почюдимся чти великаго господаря, иж которыи земли на устоце или на западе приходяче поклоняются славному господарю, иж есть царь надо всею землею, и той пришед поклонися славному царю великому князю Александру. Еще же и турецькии царь честь велику и дары многы подаваше. Славному госпадарю, благоверному же и христоролюбивому царю цариградскому, и тому с нимь у великой любви живушу. [...] Еще же и инии цари усточнии служажуть ему. [...] Мног бяше и ордынских великих царей служаху у дворе его*»⁹².

Витовт предстаёт здесь властелином властелинов, имеющим статус, равный римскому и константинопольскому императорам, ему служат так же и мусульманские государи. Фигура Витовта приобретает в этом панегирическом произведении облик космократора, императора вселенной согласно представлениям того времени: «*Император — Vicarius Christi, свыше поставленный над всеми земными властями, над всеми царствами; образ Бога Вышнего, он как бы другой Создатель (alter creator) на земле. Он повелитель Вселенной (imperator orbis terrarum), по сравнению с ним все прочие монархи не более чем правители отдельных провинций (reguli provinciarum). Он не подчинён никакой власти и на земле отдаёт отчёт только Богу*»⁹³.

В отношении римского императора говорится даже о его подчинении Витовту, который «повеле ему быти к собе» и тот «беза всякого ослушания ускоре приехал к нему со своею каролицею». Это достаточно странная ситуация, ведь в средневековой Европе на царский/императорский титул, и соответственно, на верховенство во властной иерархии, могли претендовать только римский император в католическом

⁸⁶ Легенды і паданні. Мінск, 1983. С. 233–234.

⁸⁷ Прохараў А. Вітаўт // Міфалогія беларусаў. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2011. С. 83–84.

⁸⁸ Пахвала вялікаму князю Вітаўту // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI — першая палова XVIII стагоддзя. Мінск, 2003. С. 250–251.

⁸⁹ Цыт. паводле: Андреева Л. Сакралізацыя ўлады ў гісторыі хрысціянскай цывілізацыі: Латинскі Запад і праваслаўны Восток. Москва, 2007. С. 109.

⁹⁰ Марзалюк І. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). С. 221–222.

⁹¹ Показатэльна, што «вся русская земля» разглядаецца, як і ў выпадку з князем Ольгердам, у якасці вотчыны Витовта.

⁹² Слуцкі летапіс // Хронікі і летапісы Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. Мінск, 2010. С. 150–151. Титул «царя» ў адносінах Витовта ўжываецца ў версіі «Похвалы», прадставленай ў Слуцком летописе — 3-й рэдакцыі агульнадзяржаўнага летапіснага зводу ВКЛ, створанага каля 1500 г.

⁹³ Андреева Л. Сакралізацыя ўлады ў гісторыі хрысціянскай цывілізацыі: Латинскі Запад і праваслаўны Восток. С. 122.

мире и византийский в православном, а потому использование его государем, который формально был лишь великим князем, явно похоже на нарушение средневековой «субординации». Использование летописцем царской титулатуры и образности свидетельствовало об имперских амбициях Витовта и его идеологов, вероятной попытке создания «третьего» имперского полюса и претензии на верховный суверенитет надо всеми остальными правителями. Имперские идеи, вероятно, проникали в ВКЛ через местное русское посредничество из Византии, где можно искать и определенные аналогии «Похвалы», но анализ произведения показывает, что у него нет точных аналогов и он является оригинальным панегириком, созданным с целью возвеличивания Витовта на манер византийских императоров⁹⁴.

Автор Никоновской летописи вкладывает в уста Витовту слова о собственной богоизбранности: «*Бог покорил мне все земли*», а также раскрывает его замысел масштабного имперского проекта, объединяющего земли Востока и Запада: «*Поидем пленити землю Татарскую, победим царя Темирь Кутлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим во Орде на царстве его царя Тахтамышя, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем примории, и на Казани; и то будет все наше и царь наш, а мы не тоию Литовскою землею и Полюскою владети имамы, и Северю, и Великим Новымгородом, и Псковом, и Немцы, но и всеми великими княжени Русскими, и со всех великих князей Русских учцем дани и оброки имати, а они нам покорятся и служат и волю нашу творят, якоже мы хотим и повелеваем им*»⁹⁵.

Имперский проект Витовта вместе с его коронацией так и не был реализован, но время его правления вскоре стало восприниматься как «золотой век», а сам он из исторической фигуры превратился в идеализированную и мифологическую. Подобную тенденцию мы встречаем в политическом трактате Михалона Литвина или в поэтической форме у Миколы Гусовского: «*Годы княжения Витовта названы веком / Самым прекрасным совсем не за то, вероятно, / Что возвышала правителя бранная слава. / Нет же, скорее за то, что превыше богатства и счастья / Ставил он духа богатство*»⁹⁶. Согласно мнению исследователя ренессансной и барочной исторической литературы ВКЛ Д. Куолиса из «Хроники» М. Стрыйковского следует, что «*Витовт, расширяя свои владения, не создавал новую империю, но старался восстановить старую балтскую государственность*»⁹⁷. Сакрализация и возвеличивание Витовта характерны не только для барочной литературы и народной традиции⁹⁸, но присуще также и современной историографии, где он уже называется не иначе как *Витовт Великий*⁹⁹.

RES PVBLICA VERSVS IMPERIVM?

Имперская интерпретация ВКЛ требует рассмотрения еще одной проблемы — соотношения республики и империи. Д. Куолис предполагает в этой связи, что Литва всё же не была империей, так как здесь реализовалась идея *translatio rei publicae*, в отличие от *translatio imperii*, как в Московии¹⁰⁰. Это различие исследователь основывает на противопоставлении литовского республиканского строя и московского деспотизма. На самом деле, в ВКЛ существовала монархическо-аристократическая форма правления: король и паны-рада, позже шляхетская «политическая нация», — тогда как в Москве образовался самодержавный строй восточного типа, чем были обусловлены и различные версии «римского мифа».

Но с нашей точки зрения, наличие той или иной формы правления не имеет непосредственного отношения к диагностированию имперскости, хотя иногда существование централизованной монархической власти может сочетаться с империей. Однако существенно то, что Рим стал империей будучи ещё республикой, как и Афины — колыбелью европейской демократии и республиканской традиции, поскольку в западной историографии употребление термина «империя» является обычным, принимая во внимание сущность афинской политики в отношении колоний и подчиненных земель¹⁰¹. К подобному выводу пришли и исследователи империй Джейн Бурбанк и Фредерик Купер: «*Начиная с Римской республики III века до н. э. и заканчивая Францией XX века,*

⁹⁴ Mickūnaitė G. Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas Of Lithuania. Budapest—New York, 2006. P. 261, 78.

⁹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Санкт-Петербург, 1897. С. 173, 172.

⁹⁶ Мікола Гусоўскі. Песьня пра зубра. Мінск, 1980.

⁹⁷ Kuolys D. Asmuo, tauta, valstybė Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorinėje literatūroje (renesansas, barokas). P. 91.

⁹⁸ Скварчэўскі Зм. Вобраз князя Вітаўта ў міфалагічнай свядомасці беларусаў // Druvis. Almanach Centru etnaskmalogijji «Kryūja». 2011. № 3. С. 103–111.

⁹⁹ Bumblauskas A. Senosios Lietuvos istorija 1009–1795. Vilnius, 2005. P. 166–167.

¹⁰⁰ Куолис Д. Масква і Літва: *translatio imperii, translatio rei publicae* // Беларускі гістрычны агляд. 2007. Т. 14. Сш. 1–2 (26–27). С. 3–25.

¹⁰¹ Finley M. I. Empire in Greco-Roman World // Greece & Rome 2nd ser. April 1978. Vol. 25. № 1. P. 1–15; Starr Ch. G. Athens and Its Empire // The Classical Journal. December 1987 – January 1988. Vol. 83. № 2. P. 114–123.

¹⁰² Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектории империи. С. 335.

Общий герб
 короля Яна Альбрехта
 из молитвенника Ясногорского
 монастыря в Ченстохове, 1506 г.

мы встречаем империи без императоров, управляемые разными способами, называемые разными именами. Империями правили диктаторы, монархи, президенты, парламенты и центральные комитеты. Тирания была и остаётся возможной как в империях, так и в национально гомогенных государствах»¹⁰².

Медаль XVI в.
с изображением «Погони»
и древнеримским девизом
«Pro aris et focus»
(«За алтари и очаги»)

Вместе с тем существование в ВКЛ и Речи Посполитой одной из самых больших в Европе полиэтнической «шляхетской нации», принимавшей активное участие в управлении государством и удерживавшей политическое единство государства¹⁰³, ставит вопрос о её «имперской» роли. Элита — ещё один важный элемент имперской системы. При этом она может быть центральной, идентифицировать себя с фактическим целым империи, с «имперской идеей», включающей экспансионистскую интенцию, некую сверхзадачу, призвание; а может быть периферийной, идентифицирующей себя только с одним из «мест» в большом пространстве, и служит горизонтом и контекстом возможного действия¹⁰⁴. Ядро империи, метрополия может характеризоваться не только этнически и географически, но особым политическим статусом или классовым характером, иметь «социальное» воплощение и отождествляться с политическим классом или служилой аристократией¹⁰⁵.

По мнению Анджея Новака, в Речи Посполитой, созданной после Люблинской унии и в конце правления династии Гедиминовичей-Ягайловичей, именно шляхта может рассматриваться как коллективный император¹⁰⁶. В это время литовско-русская «политическая нация» ВКЛ сливается с польской и начинает активно перенимать польский язык и культуру. Идеологическим фундаментом этого становится «сарматский миф», который приходит на место «римского». Одной из ключевых характеристик «сарматской» идеи было мессианство — вера в богоизбранность, исключительность Речи Посполитой, её политического устройства, с призванием быть *antemurale christianitatis* —

¹⁰³ Snyder T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven—London, 2003. P. 210; Wandycz P. Cena wolności. Historia Europy Środkowowschodniej od średniowiecza do współczesności. Kraków, 2003. S. 106.

¹⁰⁴ Филиппов А. «Империя» в современной политической коммуникации // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Москва, 1995. С. 462.

¹⁰⁵ Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи—1 // Ab Imperio. 2001. № 1—2 // <http://abimperio.net/scgibin/aishow.pl?state=showa&idart=438&page=2&idlang=2&Code=42svnkGxuyf2CPcvFoha8N29q>

опорой христианской веры, понятой исключительно как католицизм, перед лицом исламского Юга и схизматского Востока¹⁰⁷. Противостояние турецкой экспансии и попытка трансформации Московского государства в соответствии с республиканской моделью Речи Посполитой можно назвать одними из наиболее амбициозных проявлений «сарматизма».

Последнее совершить так и не получилось, став симптомом того, что в самом польско-литовском государстве назрели весьма серьёзные проблемы, которые, в конце концов, похоронили его само, а вместе с ним и Литву как имперскую формацию.

FINIS IMPERII

Каким же временем можно датировать конец литовского имперского проекта? Вслед за Альвидасом Никжентайтисом мы можем принять периодизацию¹⁰⁸, предложенную для истории ВКЛ: 1) от возникновения литовского государства (середина XIII в.) до первой половины XIV в. — период геополитического установления и начала экспансии; 2) от первой половины XIV в. до первой половины XVI в. — период успешной экспансии и процветания; 3) от первой половины XVI в. до исчезновения ВКЛ в конце XVIII в. — период кризиса и упадка.

Таким образом, со второй половины XVI в. ВКЛ входит в нисходящую фазу своего развития и с этого времени начинается «свёртывание» Литвы как имперского проекта. Этот процесс был комплексным, включающим появление и распространение ряда кризисных явлений как внутреннего, так и внешнего характера. Люблинская уния 1569 г. стала символическим началом конца, засвидетельствовавшим лидерство польского политического центра и постепенную потерю инициативы с литовской стороны. Весьма существенные территориальные уступки — передача Польской короне Подляшья, Волыни, Подолии и Киевщины — означали изменение этноконфессионального баланса, которое через столетие станет одной из причин кровавых казацких войн. В 1572 г. умирает король польский и великий князь литовский Жигимонт II Август — последний представитель династии Гедиминовичей-Ягайловичей на троне. *De facto* наследственная монархия, обеспечивавшая стабильность и преемственность власти, уступает место выборной. С этого времени начинается перманентная борьба между различными группировками шляхты и магнатов вокруг кандидатов на престол и процедур избрания короля.

Начинаются затяжные религиозные конфликты: выступления против унии в «русской» части государства, контрреформация, католическо-протестантские и католическо-православные столкновения. Одновременно происходят кардинальные изменения в сознании правящей элиты: идеология «сарматизма» становится причиной абсолютизации государственного строя Речи Посполитой, «золотых шляхетских вольностей», фактически парализовавшей нормальную политическую жизнь страны, проводником религиозного шовинизма, который подрывал этноконфессиональное единство общества. Например, для иезуита Петра Скарги Литва выступает уже как объект колониальной миссии: «*Nie trzeba nam Indii Wschodnich i Zachodnich, jest bowiem Indiq — Litwa Północna*»¹⁰⁹.

Геополитическое и идеологическое лидерство в регионе и «собираении» русских земель перехватывает Московское государство, войны с которым, и как их следствие — территориальные потери, измождают и подрывают экономический и демографический баланс в Литве. «Потоп» 1654—1667 гг. становится истинной катастрофой для всего общества ВКЛ, после которой оно так и не смогло оправиться. Разрушенная Литва понесла также большие потери в интеллектуальной сфере, что ещё более ускорило процесс полонизации её элиты. Как замечает Кирилл Карлюк: «*От Потопа своё начало берёт история сарматской Литвы, которая в правовом и культурном смысле всё более превращалась в третью провинцию Речи Посполитой (Великопольша, Малопольша и Литва)*»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Nowak A. From Empire Builder to Empire Breaker, or There and Back Again: History and Memory of Poland's Role in Eastern European Politics // Nowak A. *Od Imperium do Imperium. Spojrzania na historię Europy Wschodniej*. Kraków, 2004. S. 357.

¹⁰⁷ Лескинен М. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. Москва, 2002. С. 71–80.

¹⁰⁸ Nikžentaitis A. The «Imperial» Diplomacy of Lithuania // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2005. № 1–2. P. 41–42.

¹⁰⁹ Skarga P. *Listy*. Red. J. Sygański. Kraków, 1912. S. 55.

¹¹⁰ Карлюк К. Magnus Dux Hereditarius: проблема легітимнасці літоўскай манархіі ў XVI–XVII стст. // *Druvis. Almanach Centru etnakasmalogiji «Kryūja»*. 2008. № 2. С. 195.

¹¹¹ Бардах Ю. Шматуэроўневая нацыянальная свядомасць на літоўска-русскіх землях Рэчы Паспалітай у XVII–XX ст. // Бардах Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Менск, 2002. С. 306–308.

¹¹² Szpoper D. Sukcesorzy Wielkiego Księstwa. Myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1939. Gdańsk, 1999. S. 190–194; Gałędek M. Wielkie Księstwo Litewskie w myśli politycznej Stanisława Cata-Mackiewicza // Ostatni obywatele Wielkiego Księstwa Litewskiego. Lublin, 2005. S. 135–154.

¹¹³ Филиппов А. «Империя» в современной политической коммуникации. С. 460, 461

¹¹⁴ Beresnevicius G. Imperijos darymas. Lietuvių ideologijos metmenys: Europos Sąjunga ir Lietuvos geopolitika XXI a. pirmojoje pusėje. Vilnius, 2003.

¹¹⁵ Ibid. P. 18, 75.

¹¹⁶ Nikžentaitis A. The «Imperial» Diplomacy of Lithuania // Lithuanian Foreign Policy Review. 2005. № 1–2. P. 41–42; Andrijauskas A. Beresnevicius. ir euristinės LDK kultūros istorijos recepcijos galimybės // Kultūrologija 14. Rytai — Vakariai komparatyvistinės studijos V. Vilnius, 2006. P. 28–66; Berenis V. Lithuanian identity: Between the Historical Experience of Central and Eastern Europe and the Heritage of the Great Duchy of Lithuania // Limes: Cultural Regionalistics. 2008. Vol. 1. № 1. P. 68–74; Kačerauskas T. Cultural Territorialization: the Case of Grand Duchy of Lithuania // Limes: Cultural Regionalistics. 2010. Vol. 3. № 1. P. 39–48.

¹¹⁷ Savukynas V. What Comes After the Nation? Possible Scenarios of Postnationalism in Central Eastern Europe (the Case of Lithuania) // Limes: Cultural Regionalistics. 2008. Vol. 1. № 2. P. 113–123.

¹¹⁸ Усаў П. Адраджэньне «Літоўскай Імперыі»: міф, ці новая геапалітычная рэчаіснасьць // <http://www.manarchija.org/node/98>; Ластоўскі А. Значэнне ідэі «Сярэдняй Еўропы» і імперскай спадчыны для самавызначэння Беларусі // Пуці еўропеізацыі Беларусі: між дэмакратыяй і канструіраваннем ідэнтычнасці (1991–2010). Под ред. О. Шпарага. Минск, 2011. С. 198–224.

Последующие полтора века стали временем войн, политической нестабильности, гражданских конфликтов и открытого вмешательства соседей во внутренние дела государства. Власть и мощь «римской» Литвы растворилась в «сарматской» анархии *libertum veto*, а вместе с этим после трёх разделов Речи Посполитой ВКЛ окончательно исчезло с политической карты Европы.

RENOVATIO IMPERII

Имперские формации, как правило, не исчезают бесследно, они оставляют богатое наследие — идеологическое, культурное, отображаются в коллективной памяти народов-наследников. В этом плане ВКЛ, безусловно, продолжало существовать и после 1795 г. в качестве идеи, мечты о восстановлении прежней государственности (вспомним проект возрождения ВКЛ Адама Чарторыйского наполеоновской эпохи, Конфедерацию Великого Княжества Литовского 1915–1917 гг. и даже Литовско-Белорусскую ССР). «Последние граждане ВКЛ» из числа «краёвцев», будучи носителями многоуровневой польско-литовской идентичности¹¹¹, пытались в первой половине XX в. — эпоху расцвета этнонационализмов в нашем регионе — привлечь внимание к интегральной Ягеллонской традиции, а некоторые из них прямо апеллировали к имперской идее (Станислав Цат-Мацкевич, Адольф Бахеньский)¹¹².

Понимание империи Александром Филипповым сводится к следующему: «Империя, в моём понимании, это не столько определённого рода «государство», сколько некая самоочевидность большого политического пространства, нечто, почти всегда предполагаемое как самый общий пространственный контекст совершения коммуникаций, задаваемый политической границей. [...] Любое большое государство, территориальная принадлежность к которому не артикулируется в действиях и коммуникациях, но может быть проявлена, проговорена в качестве таковой, есть империя. Точнее говоря, об империи как реальности можно говорить, если этот смысл постоянно (эта длительность не измеряется объективно, но социально воспринимается и субъективно трактуется как постоянство) переносится на массу действий и коммуникаций. Сходные явления «по случаю» могут иметь место и помимо империй. В таком случае — это не реализованный как политическая граница имперский смысл»¹¹³. Если согласиться с таким видением империи, то нетрудно заметить, что идея существования или восстановления «региона ВКЛ», принадлежность к которому поныне и постоянно артикулируется в действиях и коммуникациях исследователей, мыслителей и просто энтузиастов, есть, по сути, подобным имперским смыслом, пока не реализованным как политическая граница.

Проблематика «региона ВКЛ» или «Литовской империи» переживает настоящий бум с начала 2000-х годов, когда стали появляться многочисленные публикации в Литве, Беларуси, Украине, Польше, России с апелляцией к общей исторической, культурной и политической традиции. Наиболее знаковым нам представляется историософское эссе Гинтараса Береснявичуса «Создание империи. Очерки литовской идеологии: Европейский союз и геополитика Литвы первой половины XXI в.» (2003 г.)¹¹⁴, в которой автор предложил собственное оригинальное видение истории ВКЛ в имперской перспективе, а также пришёл к выводу о целесообразности создания подобного ВКЛ геополитического имперского образования в настоящее время: «Мы должны создать самостоятельную империю и прочно устанавливаем нашу ось. Бывшие территории Великого Княжества Литовского очерчивают наши естественные границы [...]. В чём польза иметь нашу собственную империю? Она нам нужна в случае, если Соединённые Штаты и Россия станут слабыми. Тогда Европа останется силовым полем и мы должны быть одной из тех сил, которые контролируют Европу»¹¹⁵.

Достаточно провокационные мысли Береснявичуса, между тем, нашли благосклонный отклик среди части литовской интеллектуальной элиты (историков, философов, политологов, социологов)¹¹⁶. Сама имперская идея становится востребованной в эпоху постнационализма¹¹⁷. Наиболее фундаментальное развитие идея ВКЛ как империи

получила в книге Зенонаса Норкуса «Необъявленная империя. Великое Княжество Литовское с точки зрения историко-сравнительной социологии империй» (2009 г.), где исследователь доказывает имперский характер ВКЛ и показывает его место в типологии империй. Белорусские авторы также обратили внимание на «имперский» тренд в литовской и европейской историографии и публицистике¹¹⁸, синхронный с динамичным развитием империологических штудий в мире, но сама эта тема всё ещё требует глубокого осмысления и разработки с белорусской стороны, потому что без Беларуси в нашем регионе любые *«нео-имперские проекты практически обречены на поражение [...] «мягкая» форма современных имперских проектов позволяет отстаивать свои интересы и локальную самобытность, но вместе с тем приучает жить не просто рядом с другими, а вместе с ними»*¹¹⁹.

Актуальность имперского видения ВКЛ и общего с литовцами, украинцами, поляками, латышами и русскими прошлого обусловлена также тем, что нынешний Европейский Союз всё чаще рассматривается именно как имперский проект¹²⁰. Наш собственный исторический опыт может быть здесь весьма уместным и полезным¹²¹. Для успешного взлёта ввысь имперскому орлу единой Европы необходимо не только «Каролинговское», но и сильное «Ягеллонское» крыло.

¹¹⁹ Ластоўскі А. Значэнне ідэі «Сярэдняй Еўропы» і імперскай спадчыны для самавызначэння Беларусі. С. 223.

¹²⁰ Zielonka J. Europe as Empire. The Nature of the Enlarged European Union. Oxford, 2006.

¹²¹ Andrijauskas A. The Cultural-Historical Memory of the Grand Duchy of Lithuania as an Expression of National Identity and as a Cultural Capital Facilitating Integration into The European Union // Limes: Cultural Regionalistics. 2008. Vol. 1. № 2. P. 160–171.